

Идеи и жизнь

СОЦИАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Тема истекшей зимы — кризис. Только старые и закисневшие почтенные газеты и почтенные старые закисневшие общественные деятели, кроме этой темы, знали и другие. Все, что помоложе и позорче, только говорило, только и писало о кризисе.

Естественно.

Кризис наглядно бил нас всех, безработица грозила почти каждому.

Да и не только в таком бытовом разрыве это естественно, но и до существу. И потому не мудрено, что от речей о сегодняшнем кризисе перешли к речам о мировой катастрофе, о тех путях, которые могут ее предотвратить, о правильном разрешении социального вопроса, особенно обостренного кризисом, об углублении, обосновании, переобосновании, — одним словом, постепенно на эту нить напизались все роковые вопросы нашего сегодняшнего дня. В течение зимы возникло три журнала, обслуживающие эту тему. Только мертвые помалкивали, а живые все наперегонки писали о катастрофе, о новых путях, о новых градах, о том, что они утверждают, — и во всех этих писаниях и высказываниях в центре стоял социальный вопрос. Можно считать, что было сказано и написано много талантливого и дельного.

Но странный парадокс.

Если со стороны заново просмотреть и продумать все, что было сказано, то отдельные талантливые мысли и даже теории тонут в море какой-то общей бездарности в самой постановке вопроса. Скучно от всего этого. О реальной жизни все время идет речь, а впечатление, что все время имеешь дело с какими-то восковыми фигурами, к реальности не прикоснувшимися.

Кризис — это какой-то трагический герой, живущий перед нами своей собственной трагической жизнью. Мы увлечены развитием действия его трагедии, мы сочувствуем, мы негодуем, мы плачем иногда, когда все действующая лица особенно ярко дают нам чувствовать безысходность положения мира, катастрофичность истории и, может быть, нашу призванность, нашу обреченность. Больше того, — мы на все лады твердим об этом на различных собраниях. Катастрофа и кризис стали такими же изысканными приправами снобистических са-

лонов, как было в давно-прошедшее время возвращенство или евразийство. А раз дошло до снобов, то, значит, вообще выплеснуто на улицу, значит, вообще стало неприлично «не рѣшать социального вопроса». Ужасно, как все это скучно, — и скучно потому, что доктринерски-отвлеченно и лишено плоти подлинной жизни.

Что такое мировая катастрофа? О, это отнюдь не трагическая героиня исторіи, которая с неизбежностью, по злому велѣнію рока, совершает на наших глазах свой мрачный и гибельный путь.

Мировая катастрофа, в той стадіи, в которой она находится сейчас, значит вот что: шоферскій заработок уменьшился раза в три, в Парижѣ около 400 безработных русских, нуждающихся в общественной помощи, из них в ночлежках ночует около 70 человек. Сосѣд ваш потерял мѣсто, а другой потеряет на днях. А в провинціи безработных еще безгранично больше. В Лионѣ трещит вся шелковая промышленность, в которой было занято много русских, а в Марсельѣ не хватает ночлежных домов для бездомных. А в Ниццѣ зимой ночевали под променадом в пещерах. А в Эльзасѣ осенью в разных мѣстах покончили с собой 11 русских. Вот это и есть она, мировая катастрофа, в ея конкретном отраженіи в нашей конкретной жизни.

Как в различных бюджетах можно подводить итог по сегодняшней день, так и тут можно подвести черту и сказать: кризис к сегодняшнему дню дал слѣдующіе результаты: 30% русских во Франціи в той или иной степени выведены из строя. И иногда эта степень такова, что они в строй и не вернуться. И опять таки для салонов, статей, снобов, теорій и слов это — «30%», для реальной же жизни это не «30%», а реальные, с плотью и кровью Иваны Ивановичи и Петры Петровичи, реальные отвалившіяся подметки, отмѣненные объѣды, мосты и подворотни, а то и веревочки на крючѣ, — и вся эта реальность даже и не подозревает, какія замѣчательныя, волнующія теоріи можно о них и по поводу них создавать. Теоріи выходят много интереснѣе, чѣм их подлинная бѣда. Рука исторіи, дающая оплеуху Ивану Ивановичу, — это грандіозно. Сам же Иван Иванович, эту оплеуху приѣмлющій, — простите, — их много, да кромѣ того он, может-быть, и не сознает, от какой великой длани ее приѣмлет. Так что лучше останемся с трагическими героями, а не с жертвами из среды обывателей.

Вот от такого отношенія к дѣлу и становится невозможной и невыносимой вся эта наша «социальная взволнованность».

Странная вещь, — можно теоретически заниматься чѣм угодно, — изучать богословіе, математику, теорію музыки, вопрос о том, был ли Федор Кузьмич Александром I, и существовала ли Атлантида, — только социальным вопросом абсолютно невозможно заниматься только теоретически.

Можно даже утверждать такой парадокс: любой плохой отвѣт

на социальный вопрос, подкрепленный попыткой практического своего осуществления в реальной жизни, лучше самого гениального ответа, таким практическим решением не подкрепленного.

В самом деле, перед чем мы стоим? Давайте, не с точки зрения вечности, и не с точки зрения последних судеб коммунизма, а с точки зрения нам доступной конкретности, до которой наша рука доходчива, посмотрим, в чем для нас этот социальный вопрос заключается, и какой ответ на него был бы подлинным ответом, а не только очередной приправой для снобистических мозговых упражнений.

Не эмигрантский народ (как бы так сказать, чтобы никого не задеть), наши общие добрые знакомые, эмигрантские Иван Ивановичи и Петры Петровичи вдруг оказались в сдачу, которую современная жизнь нашла нужным вернуть, — не попали в товарооборот. Это то еще, пожалуй, всем понятно. А вот их знакомым, в эту сдачу не попавшим, немного уж непонятно, как такой Иван Иванович — «помилуйте, университет кончил», — или, «помилуйте, всю гражданскую войну вместе провоевали», — и вдруг, в стрелки попал, — шестой, скажем, месяц обивает пороги общественных организаций, вст по талону, спит по купону, одъезжает от руки благодетелей, дышит оттого, что этого французская власть не запрещают, — и при таком явном ничтожестве, самое главное, — вечно от него вином несет, — раньше, однако, не пил вовсе.

Должна сказать, что меня гораздо больше удивило бы, если бы, попав в эту самую сдачу, он сумел бы: 1) не смять в ночлежках и в подворотнях своего пальто, 2) бриться ежедневно, 3) не быть пьяным. Тут уж такой комплекс получается, — общий стрелковый быт. Поэтому не думайте, что временная безработица будет иметь своими результатами некоторые сильные переживания в дождливую ночь под мостом, — нет, она вообще поставит для человека вопрос, может ли он на этом вот берегу удержаться, или он уже «бывший».

И вот первое, что невозможно отвести всем нашим социальным реформаторам, — уже «бывшие», еще «не бывшие», — все это падает на нашу полную ответственность.

Можно, конечно, по разному эту ответственность воспринять, — и заявить, что для новой и творческой жизни бывшие не нужны, а потому мы закрываем глаза, переступаем и идем дальше. Но, даже оставив в стороне вопрос о том, что в наше время даже любому реформатору не осторожно «от сумы да от тюрьмы отказываться», — даже, оставив это в стороне, можно сказать, что очень часто самая горячая мысль, самое острое переживание действительности, самое большое напряжение и мучительную жажду подвига вы найдете там, где не только вином пахнет, но и гнильцой. Не очень то ставки на салонных снобов оправдываются.

Но и не это важно. Самое главное в этом деле, что решать со-

ціальный вопрос со ставкою только на дальняго и без всякаго вниманія к ближнему можно, конечно, но лишь при одном условіи, — чтобы эти попытки рѣшенія не хотѣли считать себя попытками христіанскаго рѣшенія соціальнаго вопроса. А так как сейчас очень многіе стремятся именно к христіанскому рѣшенію соціальнаго вопроса, то просто в порядкѣ очередныхъ задачъ возникаетъ необходимость прійти на помощь тому, кто уже сейчасъ перемальвается на жерновахъ жизни.

Тутъ надо добавить еще одно очень точное и очень горестное наблюденіе. Что сейчасъ характеризуетъ основной элементъ соціальныхъ отношеній, — уличныя отношенія между двумя людьми, принадлежащими, какъ никакъ, къ одному общему тѣлу нашей русской эмиграціи. Слишкомъ сильно было бы сказать, — что человекъ человеку волкъ, — положеніе вполнѣ точно характеризуется, если мы скажемъ, что человекъ человеку только стѣна. Безразличіе къ любой чужой бѣдѣ совершенно изумительное у всѣхъ. Попробуйте оглушить вашихъ близкихъ друзей фразой: «Меня завтра разстрѣляютъ», или «Вчера моя мать умерла с голоду», — попробуйте и посмотрите, оглушатся ли они. Не только не оглушатся, даже не удивятся, потому что и чувство удивленія притуплено такъ же, какъ чувства жалости, сочувствія и состраданія.

И вотъ — странная вещь, — в нашъ матеріалистическій вѣкъ, когда, казалось бы, и острота соціальнаго вопроса опредѣляется остротой экономическаго кризиса, можно смѣло сказать, что все же основной кризисъ, — это кризисъ любви, и колоссальный капиталъ, могущій заполнить огромныя пропасти в рѣшеніи соціальнаго вопроса, — это самое элементарное человѣческое вниманіе, которое является первоочередной и безспорной обязанностью каждаго христіанина, тѣмъ болѣе такого, который хочетъ строить людскія взаимоотношенія на основѣ своего христіанства.

Давайте создавать ячейки будущаго общества, давайте на основѣ христіанской любви и христіанской взаимопомощи строить какія-то ядра общестій, давайте вниманіемъ и терпимостью преодолѣмъ препятствія в такихъ конкретныхъ дѣлахъ.

Не выйдутъ? Будутъ пьяныя драки, поножевщина, сплетни, ссоры, дразги... Если такъ думать, то надо эту мысль честно продолжить, — значитъ, и из болѣе грандіозныхъ плановъ не новой горницы, а цѣлаго новаго града также ничего не выйдутъ.

Вѣримъ, что выйдутъ, — потому что дѣло, начинаемое на основѣ подлинной христіанской любви, не можетъ не выйти. Надо только помнить, что наши родные и единокровные Иваны Ивановичи достаточно пострадали и достаточно потрепали себѣ нервы, чтобы не удивляться, если и хорошее дѣло встрѣтитъ большія препятствія.

Мон. Марія (Скобцова).